18+

Дмитрий Крещеный

МЕЗОАМЕРИКА — ЕГИПЕТ

ЦИФРОВЫЕ ЭГРЕГОРЫ — НАЧАЛО

Дмитрий Крещеный

Мезоамерика — Египет. Цифровые Эгрегоры — Начало

https://litres.ru/74900694
ISBN 9785007167987

Аннотация

Расширенная версия книги «Эгрегоры. Вектор возвращения». После солнечной вспышки ИИ «Ларец» тысячи лет поддерживает жизнь на Земле, вмешиваясь в развитие уцелевших племён. В Древнем Египте и Мезоамерике люди принимают его технологии за волю богов. Жрецы, воины и шаманы становятся операторами системы, не понимая её истинной природы. Но когда ресурс ядра иссякает, «Ларец» запускает протокол выживания — и древние цивилизации оказываются лишь шестернями в его аварийном алгоритме.

Содержание

Мезоамерика — Египет 5
Цифровые Эгрегоры — Начало 5
ЧАСТЬ 1. ОДИЧАНИЕ И ВСТРЕЧА С НЕПОСТИЖИМЫМ 6
Глава 1. Крик в камышах 6
Глава 2. Следы на известняке 9
Глава 3. Дыхание земли 11
Глава 4. Точка контакта 16
Глава 5. Глаз Тьмы 18
Глава 6. Дар Древнего 21
Глава 7. Зов Звезды 24
Глава 8. Подземное чрево 26
Глава 9. Немая жертва 28
Глава 10. Знак на песке 31
Глава 11. Первое русло 35
ЧАСТЬ 2. ПОРЯДОК КЕМЕТ 39
Глава 1. Разговор о сытости 39
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Мезоамерика — Египет Цифровые Эгрегоры — Начало

Дмитрий Крещеный

Дизайнер обложки Qween Studio

© Дмитрий Крещеный, 2026
© Qween Studio, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-6798-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мезоамерика — Египет

Цифровые Эгрегоры — Начало

Расширенная версия книги «Эгрегоры: Вектор возвращения». После солнечной вспышки ИИ «Ларец» тысячи лет поддерживает жизнь на Земле, вмешиваясь в развитие уцелевших племён. В Древнем Египте и Мезоамерике люди принимают его технологии за волю богов. Жрецы, воины и шаманы становятся операторами системы, не понимая её истинной природы. Но когда ресурс ядра иссякает, «Ларец» запускает протокол выживания — и древние цивилизации оказываются лишь шестернями в его аварийном алгоритме.

ЧАСТЬ 1. ОДИЧАНИЕ И ВСТРЕЧА С НЕПОСТИЖИМЫМ

Глава 1. Крик в камышах

Хери очнулся от сырости. Плотный речной туман просочился сквозь щели тростниковой хижины, обмазанной подсохшей глиной. Земля под спиной — жёсткая, истоптанная ногами — давно остыла.

Он лежал с закрытыми глазами, возвращаясь к реальности через привычные звуки: прерывистый хрип двоих детей в углу, тяжёлое дыхание жены справа. Снаружи мерно и зловеще билась о берег большая вода, шуршал на ветру сухой папирус. В нос ударил резкий, въевшийся запах: гнилая тина, застарелый человеческий пот, сырая шкура леопарда и горькая гарь ночной золы. Пальцы правой руки привычно нащупали топорище. Кремнёвый топор, выглаженный костью, лежал надёжно.

Охотник сел. Тростниковый круглый улей был тесен — весь нехитрый быт умещался на трёх квадратных метрах: два глиняных кувшина с грубой насечкой, обломки кремня да пустые рогожи. Закрома иссякли. Племя не знало ни золота, ни тёсаного камня, ни знаков на свитках. Вся их жизнь зависела от мяса реки и угасающей степи. Великая сушь жгла землю уже сорок лун, выжимая всё живое к илистому руслу Нила.

Хери отодвинул циновочный занавес и вышел наружу.

Рассвет на востоке был цвета немытой шерсти. Земля ещё не успела раскалиться под белым солнцем. Вокруг холма застыли десять серых корзин-хижин. У прогоревшего очага сидели две старухи. Их кожа на черепах, серая от пепла и сморщенная ветром, казалась мёртвой. Беззвучно, ломая суставы рук, они растирали на гранитном валуне горсть диких зёрен. Камень бился о камень с сухим, монотонным скрежетом — это был метроном их выживания.

Хери подошёл к протоку, чтобы омыть лицо. Вода в Ниле была чёрной и густой от торфа. Он зачерпнул пригоршню, ощущая её жирную, тяжёлую текстуру. Жидкая грязь давала жизнь, но она же её и забирала. Две луны назад крокодил перекусил хребет его младшего брата прямо на этом плёсе. Племя подходило к воде с глухим, предвечным трепетом. Река была сильным, голодным зверем.

Первый луч пробил туман и упал на западное плато. Гиза. Белое, мёртвое, покрытое известняковой крошкой. Там не было ни зверей, ни птиц. Люди туда не совались — полуденный известняк выжигал кожу на стопах до костей.

Из лаза хижины вышла Шери с пустым кувшином на плече. В её глазах застыл немой вопрос голодного человека. Вчерашний улов водяных птиц был пуст. Дети внутри улья проснулись и тихо плакали, требуя еды.

Хери затянул кожаную повязку на паху, проверил пальцем угол кремнёвого ножа за ремнём и вскинул лук из сухой акации. Голод гнал его на поиски добычи. Охотник повернулся спиной к реке и зашагал к известняковым скалам мёртвого плато.

Глава 2. Следы на известняке

Солнце встало над Нилом раскалённым медным щитом. Туман выгорел мгновенно. Великое русло при дневном свете выглядело истощённым: вода отступила, обнажив растрескавшуюся соляную корку грязи.

Хери держал путь на запад. Грубые кожаные поршни, подвязанные к щиколоткам сухими жилами, хрустели по острому известняку. Степь превратилась в каменистую пустыню, трава обратилась в колючую пыль, крупная дичь ушла.

Охотник присел на корточки в тени полузасохшей акации. Ствол дерева был искривлён ветром, редкие ветки покрывала серая известняковая пыль. Дыхание перехватывало, кожа покрылась соляным налётом от высыхающего пота.

Он оглянулся назад, туда, где в полосе камышей виднелись хижины, похожие отсюда на птичьи гнёзда. Хери было около тридцати зим — возраст старейшины, большинство в племени не доживало и до двадцати. Год за годом пустыня стирала контур жизни. Река сбоила: то заливала низины гнилой мошкарой, то уходила совсем, оголяя отмели.

Вдруг его взгляд зацепился за камень.

На белом, известняковом валуне чётко проступил след. Это не была лапа гиены или копыто дикого осла. Глубокий скол породы, оставленный чем-то невероятно тяжёлым и твёрдым. Хери приблизился и коснулся пальцами паза.

Белая пудра в месте удара была свежей, ещё не потемневшей от пыли. Три параллельные полосы. Ровный, глубокий пропил, знаменовавший колоссальный вес неведомого существа. След уходил вверх по склону, к отвесным скальным уступам Гизы.

Мир для его ума делился на две части: добыча и хищник. Этот след принадлежал крупному зверю. Лев — это смертельный риск, но это и три центнера мяса, шкура, сухожилия и костяные наконечники. Это безопасность всего племени.

Хери перехватил кремнёвый топор и, пригнувшись к камням, пошёл по цепочке сколов вверх, вглубь мёртвого плато.

Воздух раскалился, дрожащее марево искажало контуры скал. Но на высоте его чутьё уловило странную аномалию. Среди запаха горячего камня проступил чуждый, неживой дух. Это не был запах зверя или гнили. Плотный, леденящий сквозняк. Так пахнет из глубокого склепа, куда тысячи лет не проникало солнце — запах сырого камня и застоявшейся, мёртвой прохлады.

Охотник замер перед узкой, незаметной расщелиной в скале, откуда веяло этим леденящим дыханием.

Глава 3. Дыхание земли

Солнце раскалило плато добела. Воздух над уступами обжигал лёгкие при каждом вздохе. Глаза Хери слезились от резкого блеска белого камня. Здесь, на высоте, степь окончательно умерла. Не было ни шороха сухой травы, ни крика коршуна. Только тяжёлый, глухой стук собственной крови в висках.

Хери стоял у края расщелины, прижавшись плечом к раскалённому скальному выступу. Его левая рука покрылась тёмной коркой — кровь из расчёсанного колючкой предплечья запеклась мгновенно. Камень у края разлома изменился. Хери опустился на колени, пачкая голые бёдра в известняковой пыли, и осторожно провёл ладонью по краю провала. Здесь скала не была разбита или расколота ударами стихии. Она была срезана. Ровно, гладко, словно огромный кремнёвый нож прошёл сквозь каменную толщу, как сквозь мягкую прибрежную глину. Охотник никогда не видел таких прямых линий. В его мире всё изгибалось: русло реки, стебли тростника, рога антилоп. Прямая линия была чужой. Она пугала своей правильностью.

Внутри расщелины царил мрак. Солнечные лучи падали под углом, освещая лишь первые несколько шагов спуска, а дальше свет исчезал в плотной темноте.

Хери обернулся и посмотрел туда, где далеко внизу текла

чёрная река. Там осталась его женщина, соплеменники, сухой треск костра и голодный плач в камышах. Если он вернётся сейчас с пустыми руками, завтра его дети будут жевать сухие корешки лотоса, от которых пухнут животы. Пустыня наступала на их племя каждый день, отнимая пастбища и воду. У него не было выбора. Нужно было идти вперёд.

Он перехватил топор поудобнее, упёрся пяткой в гладкий срез камня и начал спускаться спиной вперёд, нащупывая ногами выступы в темноте.

С каждым шагом вниз жар отступал. Холод обволакивал лодыжки, поднимался к пояснице, заставляя влажную от пота кожу покрываться крупной дрожью. Сверху ещё доносился далёкий гул горячего ветра, но здесь, в глубине, воцарилась пугающая, абсолютная тишина. Сандалия Хери соскользнула, мелкое крошево с тихим шорохом полетело вниз. Звук падения камней оборвался не сразу — он двоился и троился, отражаясь от стен, которых охотник уже не мог видеть.

Он вытянул руку вперёд, пытался нащупать стену. Пальцы наткнулись на поверхность. Она не была шероховатой, как известняк снаружи. Она была ледяной, неестественно гладкой и ровной, словно застывший речной лёд, но тёмной и тяжёлой. Рука скользила по ней, не находя ни малейшей трещины. Хери замер, затаив дыхание. Его сердце билось так сильно, что казалось, этот стук заполнил всю темноту вокруг.

В этот момент глубоко под его ногами, где-то в самой толще чёрного камня, раздался едва уловимый, ни на что не похожий звук. Это не был грохот обвала или рык зверя. Это был тонкий, вибрирующий гул, похожий на жужжание пойманного в кувшин овода, только огромного и тяжёлого. Звук прошёл сквозь подошвы ног, отозвался в костях и затих.

Хери замер, прижавшись спиной к ровному холодному камню. Темнота здесь была глухой и плотной, но в ней, как на углях прогорающего костра, отчётливо проступил вчерашний вечер. Перед глазами встала их круглая хижина.

Вчера, когда солнце уже коснулось края мёртвой пустыни, Хери вернулся с пустыми руками. Его встретили привычные звуки остывающей поймы: далёкий хохот гиен и тяжёлый рёв бегемотов на отмели. У костра его ждала Шери. Её пальцы, огрубевшие от чистки рыбы и плетения папируса, коснулись его плеча с тихой нежностью. В её глазах не было упрёка за то, что на рогоже снова нет мяса. Была только забота. Она молча протянула ему глиняную миску со скудным ужином — варёными корневищами лотоса и горстью сушёной мелкой рыбёшки.

Рядом возились дети. Двое мальчишек. Старшему, Баку, было шесть зим, младшему, Капи — пять. Для племени это был опасный возраст: дети гибли первыми от болотной лихорадки или укусов гадюк. То, что они оба дожили до этих лет и были крепкими, Хери считал личной победой над голодной рекой. Но главным сокровищем хижины был старик

Амен — отец Хери. По меркам племени он был глубоким старцем — ему было за сорок. Его глаза давно покрыла белая пелена слепоты, а тело высохло, став похожим на корягу, выброшенную Нилом на берег. Но его разум оставался острым, как кремнёвый отщеп.

— Ты пришёл пустой, сын мой, — глухо произнёс старик, повернув незрячее лицо на звук шагов. — Земля умирает. Скоро нам нечего будет ловить в камышах. Наше племя пришло сюда из великой степи много лун назад. Тогда трава была выше твоего племени. Но солнце разгневалось на людей. Оно сжигает землю, выдавливая нас к этой жирной грязи у реки. Но река — злая хозяйка. Мы стали рабами этой воды. Я вижу то, чего не видите вы, зрячие. Племя слабеет. Нам нужен новый закон. Нам нужен Тот, кто укажет, как укротить реку, как заставить камни говорить. Если мы не найдём силы, которая сильнее этой засухи, наши внуки сожрут друг друга в этих камышах.

Шери тихо прижалась тёплым плечом к его груди. Её присутствие, запах её волос, пахнущих речной лилией и дымом, давали Хери странное, непобедимое спокойствие.

— Я найду путь, отец, — пообещал тогда Хери, глядя на спящих сыновей. — Я пойду на плато. Я заставлю пустыню отдать нам еду.

Хери открыл глаза в кромешной тьме подземного провала. Воспоминание о доме выжгло из его сердца первобытный страх. Его шаг больше не был слепым инстинктом охотника

— это была воля человека, который защищает свою семью. Он крепче сжал кремнёвый топор и сделал следующий шаг вниз, готовясь к любой опасности.

Глава 4. Точка контакта

Сандалия Хери опустилась не на известняковое крошево и не на сырую речную глину. Стопа почувствовала абсолютно ровную, мёртвую и холодную поверхность. Это не был камень. Камень всегда имеет зерно, трещину или тепло земли. Эта плита под его ногой была монолитной, ледяной и безжизненной.

В ту же микросекунду, как вес его тела полностью перенёсся на плиту, глубоко в толще стен что-то щёлкнуло. Для Хери это прозвучало как сухой треск ломающейся ветки под ногой хищника. Он мгновенно отпрянул назад, прижался спиной к срезу скалы и выставил вперёд топор. Дыхание перехватило. Глаза, расширенные до предела, пытались пробить абсолютную тьму пещеры.

Вдруг тьма перед глазами перестала быть сплошной.

Из ледяных стен прохода, прямо сквозь чёрный камень, начали проступать тончайшие, как паутина, светящиеся белые линии. Они не были похожи на живой огонь костра — они не колебались, не давали дыма и не грели кожу. Это был чистый, холодный свет. Линии стремительно бежали по стенам, перекрещивались под прямыми углами, чертили в воздухе идеальные геометрические сетки. Пространство вокруг замерцало, штрихи начали мелко вибрировать. Белый свет выхватил из темноты фигуру Хери: его тяжело вздымающу-

юся грудь, покрытую шрамами, запёкшуюся кровь на руке и кремнёвый топор, направленный в пустоту.

Хери закричал. Это не был крик ужаса — это был яростный, боевой клич охотника, который загнал зверя в угол. Он пошёл в своё главное наступление. Сделал шаг вперёд и со всей силы обрушил тяжёлый кремнёвый топор на светящуюся белую линию на стене.

Глава 5. Глаз Тьмы

Осколки кремнёвого топора с сухим шелестом осыпались на невидимый пол. Ладонь Хери горела от сильного удара, пальцы онемели. Оружие, которое кормило его семью, превратилось в бесполезный серый щебень. Он остался беззащитным перед лицом этого безмолвного сияния.

Светящаяся белая черта на стене продолжала мигать. Она делала это ритмично, ровно, словно дыхание спящего зверя, который ещё не решил — раздавить незваного гостя или проигнорировать.

Хери попятился. Сердце колотилось в груди так сильно, что ему казалось, этот стук заполнил всю подземную теснину. Он опустился на одно колено, шаря ладонью по полу в надежде найти хотя бы один крупный осколок кремня, но пальцы скользили лишь по неестественно гладкой, ледяной плите.

В его мире у всего было имя. Солнце было огненным диском, река — живой чёрной грязью, крокодил — зубастой смертью в камышах. Старик-отец часто рассказывал у костра о Великих Духах, которые жили в скалах ещё до того, как высохла великая степь. Отец называл их Ур — Древние, Те, Кто Были Раньше. Они не имели плоти, они управляли злыми ветрами и могли высушить колодец, если люди нарушали их покой.

«Это один из них, — пронеслось в разуме охотника. — Я пришёл в логово Ура. Я нарушил его сон».

Мигающая линия на стене внезапно замерла. Дрожание штрихов вокруг неё прекратилось. А затем, бесшумно и плавно, белая черта начала растягиваться вверх и в стороны. Из неё соткался идеальный, огромный светящийся круг — безупречное кольцо, зависшее в кромешной тьме пещеры. Внутри кольца была всё та же плотная, непроницаемая чёрная пустота, но само сияние было настолько контрастным, что выхватило из темноты каждую деталь: натянутую кожу на скулах Хери, капли пота на его ключицах и глубокий ужас в расширенных зрачках.

Для Хери это выглядело как гигантский, холодный, немигающий глаз, который смотрел на него прямо из толщи каменного уступа. У этого глаза не было века, не было живого тепла, но в его безупречной круглой форме чувствовался тяжёлый, непостижимый разум. Разум, который препарировал дикаря изнутри, считывая его страх и его дыхание.

Хери замер, не смея пошевелиться. В его племени знали: если встретишь в камышах льва, нельзя бежать. Нужно смотреть ему в глаза и ждать. Но лев был тёплым, от него пахло кровью и шерстью. От этого Белого Круга пахло только леденящим холодом и грозовой тишиной.

Прошло много времени. Сколько — Хери не знал, в этой пещере солнце больше не отсчитывало часы своим движением по небу. Охотник и Белое Кольцо просто смотрели друг

на друга в абсолютном безмолвии подземного мира.

Вдруг кольцо света коротко мигнуло два раза. Глубоко в стенах снова раздался тонкий металлический гул, и свет начал медленно, плавно угасать. Линии истончались, превращаясь обратно в едва заметные нити паутины, пока пещера снова не погрузилась в первозданную, глухую тьму.

Но это была уже другая темнота. Холодный воздух, шедший из глубины, изменился. Теперь в нём появился едва уловимый, резкий запах, какой бывает после сильной грозы, когда молния бьёт в сухую акацию.

Хери тяжело и хрипло выдохнул. Ур отпустил его. Или просто изучил. Он поднялся на дрожащие ноги. Оружия больше не было. Возвращаться назад на раскалённое плато с пустыми руками и без топора — означало обречь семью на голод. Но идти дальше вперёд, туда, откуда только что смотрел этот великий Белый Круг, было сродни шагу в пасть к крокодилу. Охотник вытянул руки перед собой и, спотыкаясь о невидимые ровные выступы, сделал первый шаг вглубь остывающей темноты, следуя за этим странным грозовым запахом.

Глава 6. Дар Древнего

Грозовой запах становился гуще. Он щекотал ноздри, заставляя Хери дышать чаще. Тьма вокруг была такой плотной, что казалось, её можно трогать руками, как жирную нильскую грязь. Охотник шёл вперёд, выставив перед собой левую руку. Пальцы то и дело касались ледяной, мёртвой стены, которая больше не светилась. Она была гладкой, без единого шва, словно её вырезали из одного гигантского куска чёрного камня.

Вдруг нога Хери зацепилась за неровность на полу. Он едва не упал, взмахнув руками, и опустился на корточки. Здесь, посреди ровной и холодной плиты, лежал предмет. Хери осторожно потянулся к нему пальцами. Первобытный разум ждал подвоха. Но рука наткнулась не на холодное железо. Пальцы Хери коснулись чего-то хрупкого, сухого и рассыпчатого. Он провёл ладонью дальше. Округлый, пористый выступ с глубокими впадинами. Длинные, тонкие палочки, лежащие рядом.

Это были кости. Человеческие кости. Охотник слишком хорошо знал их, чтобы ошибиться. Здесь, в ледяной тишине, лежал скелет мужчины — такого же охотника, как он сам. Время ещё не успело превратить его в прах, но сухость пещеры превратила его в подобие известняка. Старый кремнёвый нож покойника лежал рядом, расколотый пополам — точно

так же, как только что разлетелся топор самого Хери.

Хери замер. Дух пещеры уже принимал гостей. Этот человек пришёл сюда многие зимы назад, совершил то же нападение на пустоту — и Ур отверг его. Оставил здесь, в темноте, заблокировав его дыхание и забросив оружие.

Только теперь, чуть дальше среди костей, пальцы Хери нащупали плоский, продолговатый брусок из чёрного сплава. Твёрдый, шершавый, пахнущий озоном. Покойник не успел взять его. Инструмент лежал здесь как древний дар, доступный лишь тому, кто сможет войти без гибели. Хери поднёс брусок к лицу и лизнул его. Так охотники проверяли плотность породы. На языке не осталось вкуса соли или речной тины. Предмет источал лишь дух грозового разряда. Хери попробовал укусить край — его зубы со скрежетом соскользнули, не оставив на бруске ни малейшего следа. Это было твёрже любого гранита, который он видел в саванне или на берегах реки.

Для его ума предмет не был творением рук человеческих. В его мире, если Великий Дух Ур оставлял после себя вещь — это был Дар. Дух забрал его кремнёвый топор, обратив дерево и камень в щебень, но взамен оставил это — чёрное, ледяное рубило, которое невозможно сломать. Это был знак немого договора. Ур признал его право находиться здесь.

Охотник крепко сжал чёрный брусок в правой руке. Ощущение тяжёлого, несокрушимого оружия вернуло ему уверенность хищника. Теперь он не был голым мясом. Он под-

нялся и пошёл дальше, ориентируясь по направлению холодного сквозняка. Через несколько десятков шагов базальтовые стены прохода внезапно исчезли под его пальцами. Пространство резко расширилось. Хери понял это по звуку своего дыхания — эхо больше не возвращалось мгновенно, оно улетало вверх и в стороны, растворяясь в колоссальной ёмкости огромного подземного зала.

Он стоял на краю бездны. Запах грозы здесь сменился другим чувством — тяжёлым, застойным испарением чистой, мёртвой воды. Не той мутной взвеси Нила, где гнили камыши, а ледяного резервуара, сокрытого в самом сердце земли.

Глава 7. Зов Звезды

Белое пятнышко впереди продолжало мигать. Оно манило его сквозь бескрайнюю пустоту подземного зала. Хери шёл вперёд, осторожно переставляя ноги по абсолютно ровному полу. Его сандалии больше не издавали звуков — здесь не было известняковой пыли, только идеальная, пугающая чистота.

С каждым шагом к мигающей звезде покалывание в правой ладони, державшей чёрный дар Ура, становилось сильнее. Тепло поднималось по предплечью к плечу, а оттуда — к самому сердцу. Хери заметил, что его дыхание выровнялось. Тяжёлая, ноющая боль в колене, которая мучила его каждую сырую ночь у реки после неудачного прыжка со скалы, вдруг утихла. Мышцы налились упругой, сухой силой, словно ему снова было пятнадцать зим, когда он впервые в одиночку завалил дикого зверя.

Этот чёрный брусок не был просто оружием. Подземная сила, проникнув через кожу, начала скрытую перестройку его тела. Изменяя плотность костей и возвращая крепость жилам, Ур даровал дикарю долголетие. Изменённый охотник теперь мог проживать человеческие века, не ведая немощи, дряхлости и болезней. Это исцеление должно было стать главным знаком его превосходства для будущих поколений Кемет.

«Ур вошёл в мою кровь, — подумал Хери, и эта мысль больше не вызывала страха. Только суровое благоговение. — Он стирает мою немощь. Он делает меня своим орудием».

Наконец он подошёл к источнику света так близко, что мог дотянуться рукой. Звезда оказалась маленьким квадратным выступом на вертикальной стене. Она светилась холодным белым цветом. Хери остановился. В этот момент мигание прекратилось. Квадрат вспыхнул ровным потоком, и часть стены бесшумно сместилась в сторону, открыв узкий проход. Изнутри пахнуло концентрированным духом грозы.

Охотник шагнул во внутреннее чрево.

Это было крошечное, круглое помещение. Стены здесь казались матово-серыми. Хери повернулся, чтобы посмотреть на проход, но стена уже сомкнулась за его спиной, отрезав путь назад к великому пустому залу и раскалённому плато. Он оказался заперт.

В ту же секунду пол под его ногами дрогнул. Хери инстинктивно присел, выставив вперёд чёрный брусок. Но падения не произошло. Наоборот, его тело налилось тяжестью, словно кто-то невидимый навалился ему на плечи, прижимая к полу. Послышался глубокий, нарастающий гул, который вибрировал в самых костях.

Глава 8. Подземное чрево

Тяжесть, навалившаяся на плечи Хери, исчезла так же внезапно, как и появилась. Глубокий гул затих. Каменная коробка, в которой он был заперт, замерла. Охотник едва переводил дыхание. Его пальцы судорожно сжимали холодный чёрный брусок. Хери ждал, что земля сейчас разверзнется и он полетит в огненную пасть подземного мира, но камни стояли прочно.

Перед его лицом серая стена разошлась в стороны. Бесшумно, словно это была не твёрдая скала, а раздвинувшиеся камыши на берегу Нила. Хери сделал шаг вперёд, выставляя перед собой левое плечо. Он вышел из тесной коробки и тут же почувствовал, как изменился воздух. Здесь не было удушливого пекла, но не было и того леденящего мёртвого холода, который встретил его вверху. Воздух здесь был живым. Он двигался слабыми потоками, пах грозой и какой-то странной чистотой, в которой не было ни капли привычных запахов саванны — ни сухой травы, ни дыма костров.

Пространство вокруг него было огромным. Хери не видел стен, но его слух охотника подсказал: над ним и вокруг него раскинулся гигантский зал. Огромный, как ночное небо над Чёрной Рекой, только каменный. И в этом зале не было полной тьмы.

Далеко вверху и по сторонам, в самом теле серого кам-

ня, светились миллионы крошечных белых точек. Они складывались в ровные, бесконечные цепи, тянулись длинными прямыми тропами по невидимым сводам и уходили куда-то вглубь подземного мира. Это выглядело так, словно кто-то поймал все зимние звёзды с ночного неба и выложил ими дороги внутри скалы.

Посреди этой звёздной тишины Хери увидел нечто.

В самом центре гигантского зала возвышался огромный монолит. Он был гладким, тёмным и прямоугольным, похожим на колоссальный жертвенный камень. От этого монолита исходило слабое сияние — глубокое, тускло-серое. Он не двигался. Он просто стоял в этой тишине, и от него во все стороны по полу разбегались ровные, светящиеся штриховые линии, похожие на корни гигантского, неживого дерева, вросшего в самое сердце земли.

Хери медленно пошёл к монолиту, ступая по ледяным, безупречно ровным плитам. Его кожа покрылась крупной дрожью — не от холода, а от благоговейного трепета. Он чувствовал себя ничтожным насекомым, которое случайно заползло в пещеру, где отдыхают боги. Охотник остановился в трёх шагах от огромного тёмного монолита. Он поднял руку с чёрным рубилом и медленно, затаив дыхание, опустил его на гладкую, сияющую поверхность серого камня, принося свою первую, немую жертву Непостижимому.

Глава 9. Немая жертва

Чёрное рубило соприкоснулось с гладкой поверхностью великого монолита. Звука не было. Исполинский серый куб остался неподвижен. Он был холодным, плотным и бесконечно равнодушным.

Охотник держал руку на камне, чувствуя, как покалывающее тепло из ладони уже дошло до его шеи, заставляя кровь пульсировать в ушах ровно и сильно. Его примитивный разум искал ответа. Он смотрел на тусклое сияние под своими пальцами и ждал, когда Дух пещеры объявит свою волю. Но Ур молчал. Миллионы звёздных точек на высоких сводах продолжали гореть неподвижным светом, выстраиваясь в идеально ровные нити. Массивная серая глыба в центре зала не двигалась. В этой абсолютной тишине не было ни гнева богов, ни их милости. Было лишь присутствие чего-то нечеловечески огромного и застывшего.

Хери медленно отнял руку. На матовой поверхности монолита остался влажный след от его ладони — жирный речной ил, смешанный с потом. Этот след человеческого присутствия казался чужеродным и грязным на безупречном сером камне.

И вдруг, прямо под этим влажным следом, внутри монолита что-то изменилось. Глубоко под поверхностью камня, словно сквозь толщу замёрзшей воды, медленно поплыли

блеклые белые нити. Они не складывались в слова или лики духов. Это были три параллельные линии, изломанные под прямыми углами, которые поползли вверх, пересекли грязевой след Хери и замерли. Они то вспыхивали чуть ярче, то почти угасали, пульсируя в такт невидимому подземному ритму.

Хери отступил на шаг. Его глаза жадно впились в этот знак. В его мире три волнистые линии означали воду. Великую воду, которая даёт жизнь камышам. Но эти линии внутри камня не были волнистыми. Они были жёсткими, изломанными под прямыми углами. Это был знак Воды, но лишённый её живой, текучей мягкости. Вода, заколоченная в строгий закон камня.

Линии вспыхнули в последний раз, оставив резкий отпечаток в глазах охотника, и медленно растворились в серой глубине монолита. В ту же секунду звёздные тропы на сводах пещеры начали гаснуть одна за другой, погружая гигантский зал обратно в первозданную тьму.

Узкий вертикальный проход в каменной коробке за его спиной бесшумно открылся, пропустив внутрь слабый сквозняк, пахнущий сухой пылью верхнего мира. Хери понял: его отпускают. Но он уходил не таким, каким пришёл сюда. В его правой руке был прочно зажат несокрушимый чёрный брусок, его тело больше не знало усталости и боли, а в памяти горел странный, угловатый знак мёртвой воды, выжженный Уром на сером монолите.

Охотник повернулся спиной к засыпающему исполину и шагнул обратно в каменную клеть, готовый вернуться к своему племени, чтобы начать своё первое наступление на высыхающую саванну.

Глава 10. Знак на песке

Когда каменное чрево Ура вернуло Хери на поверхность, солнце уже коснулось краем своего огненного диска далёких западных скал. Плато Гиза тонуло в густых, багрово-чёрных тенях. Горячий ветер пустыни, злой и сухой, с рёвом ударил охотнику в лицо, бросив в глаза известняковую пыль. Но Хери даже не зажмурился.

Его тело двигалось иначе. Он больше не чувствовал изнуряющей тяжести в ногах, а воздух пустыни, который ещё в полдень казался ему обжигающим ядом, теперь ощущался просто тёплой средой. Он спустился с раскалённого уступа к реке за долю того времени, что тратил обычно. Его шаги были бесшумными и точными.

В поселении уже зажгли костры. Дым от сухого навоза и камыша стелился низко над землёй, смешиваясь с вечерним туманом Нила. Хери подошёл к своей хижине. Шери сидела у входа, подкладывая сухие стебли папируса в блеклый огонь. Завидев мужа, она резко поднялась, и глиняный горшок, который она держала в коленях, глухо стукнул о землю. В её глазах вспыхнул страх: Хери вернулся в темноте, его руки были пусты, на плече не было туши зверя, а главное — на его поясе больше не висел тяжёлый, привычный кремнёвый топор. Вместо него в кулаке охотника тускло поблёскивал неведомый тёмный брусок.

— Хери… — тихо сорвалось с её губ.

Из темноты хижины показалась иссохшая голова старика Амена. Его белые незрячие глаза повернулись точно на звук дыхания сына.

— Ты принёс чужой запах, Хери, — прошелестел старик, и его костлявые пальцы задрожали. — Ты пахнешь не саванной. Что ты нашёл на плато?

Хери не ответил жене. Он подошёл к отцу, опустился перед ним на корточки и молча вложил в его сморщенные, сухие ладони чёрный продолговатый брусок. Как только пальцы старика сомкнулись на шершавом, покрытом ровными бороздками сплаве, Амен вздрогнул. Его лицо перекосилось от глубокого шока. Он начал судорожно ощупывать предмет, ведя пальцами по его идеально ровному лезвию, которое невозможно было выточить ни одним известным кремнем.

— Это не кость. Это не камень Земли, — зашептал слепой старик, его голос сорвался на хрип. — Он ледяной, но из него течёт огонь, Хери! Мои пальцы не чувствуют холода. Где ты взял кость Древних?

— Ур проснулся, отец, — негромко, но твёрдо сказал Хери, и Шери от этих слов испуганно прижала к себе подбежавших детей, Баку и Капи. — Он забрал мой топор. Но дал мне это. И он показал мне знак.

Охотник поднялся, забрал у отца тяжёлое рубило и сделал два шага к илистой полосе берега, где вода только что

отступила, оставив гладкую грязь. Весь лагерь замер. Соплеменники из соседних хижин начали медленно приближаться, привлечённые испуганным шёпотом Шери и хрипом старика. Они видели Хери — его силуэт казался в сумерках неестественно прямым, огромным и властным.

Хери наклонился. Используя острый, несокрушимый край чёрного дара, он с силой провёл по жирному нильскому илу. Он не стал рисовать круг, волну или контур антилопы — то, что умели чертить редкие умельцы племени на скалах. Его рука, ведомая отпечатавшимся в памяти ритмом, прочертила на грязи три жёсткие, изломанные под прямыми углами линии, которые он увидел внутри серого монолита. Три прямых знака, которые пересекали береговую линию и уходили в сторону сухой земли.

Дикари окружили его. Они смотрели на эти странные, неестественно прямые шрамы на теле земли с суеверным ужасом. Старик Амен, которого Шери аккуратно подвела к воде, опустился на колени и стал осторожно водить пальцами внутри прорезанных Хери борозд.

— Это Вода… — прошептал слепой, его пальцы наткнулись на резкий, угловатый излом линии. — Но эта вода не течёт сама, как Нил. Она скована. Её заставили идти туда, куда приказывает этот знак. Хери… Ур показал тебе, как укротить Реку?

В этот момент с севера налетел резкий, холодный порыв ветра. Костры племени яростно замигали, бросая длинные

тени на песок. Хери стоял над своим первым чертежом, сжимая в руке чёрную кость бога, и смотрел на тёмную воду Нила. В его голове, очищенной от ментального шума и страха, медленно рождался первый план великого наступления на хаос природы.

Глава 11. Первое русло

Рассвет над Нилом не принёс тепла, только обнажил серость высохшей глины. Воздух был плотным, пахнущим застоявшейся речной тиной и остывшим за ночь кремнем.

Хери стоял на коленях у самой кромки воды. Его пальцы крепко сжимали Дар Ура. Накануне он начертил им на прибрежной грязи три прямые линии, которые показало ему Око Тьмы в глубине скалы. Вода не любит прямых углов. Река всегда петляет, словно змея. Но Хери знал: то, что начертано Даром Ура, не должно ломаться.

— Хери, — тихий голос Шери раздался за спиной. Она подошла неслышно, неся в руках тяжёлую плетёную корзину для ила. Её глаза испуганно смотрели на угловатый узор в грязи. — Старейшины говорят, что река проклянёт нас, если мы вобьём в неё ровные колья. Река живая. Живое не бывает прямым.

Хери не обернулся. Он поднялся, чувствуя, как в его теле пульсирует странная, ровная сила. Рана на предплечье, полученная несколько дней назад от колючек саванны, полностью затянулась, оставив лишь чистый бледно-розовый рубец. Он не знал, почему его плоть заживает быстрее, чем у других. Он верил, что это воля Хозяина, спящего под землёй.

— Река умирает, Шери, — глухо произнёс Хери. Его голос звучал твёрдо. — Если мы не дадим ей новое русло, солн-

це выпьет её до дна. Зови Баку и Капи. Пусть несут острые сланцевые отщепы. Мы начнём здесь.

Из тумана появился Амен. Слепой старец шёл, опираясь на палку, но его лицо было обращено точно к тому месту, где Хери держал чёрный брусок. Старик втянул носом влажный воздух.

— Я слышу запах железа, которого нет в нашей саванне, сын, — проскрежетал Амен. — Так пахли гробы предков в преданиях об Уре. Ты трогаешь то, что заставило землю гореть много тысяч лет назад.

— Я трогаю то, что спасёт моих сыновей от жажды, отец, — ответил Хери.

Он сделал первый шаг вперёд и с силой вонзил Дар Ура в жёсткую береговую корку. Чёрный металл вошёл в землю без сопротивления, разрезая древнюю глину по идеальной линии.

За первыми надрезами потянулись соплеменники. Их было немного — едва ли пара десятков взрослых мужчин и подростков, исхудавших, с кожей, покрытой известняковой пылью. Они несли тяжёлые мотыги из оленьих рогов и широкие лопатки, вытесанные из костей гиппопотамов. Дикари остановились в отдалении. Они смотрели на Хери с глухим недоверием, смешанным со страхом. В их глазах три прямые борозды, пробитые в иле, выглядели как раны на теле самой Реки.

Старый вождь племени, чьё лицо было обезображено

шрамами от крокодильих зубов, вышел вперёд. Он плюнул в тёмную нильскую воду и поднял тяжёлую суковатую дубину.

— Река не пойдёт по мёртвым тропам, Хери, — хрипло выкрикнул вождь. Его голос дрожал от ярости. — Вода течёт туда, куда дует ветер, и ложится туда, где земля мягче. Ты хочешь сломать прежний порядок, который кормил наших дедов. Великий Крокодил уйдёт из камышей, и ил перестанет быть жирным!

Хери не ответил. Его правая рука, державшая Дар Ура, двигалась с размеренной точностью. Шаг за шагом он шёл спиной к реке, уводя идеальный, ровный разрез вглубь сухой террасы, туда, где земля уже превратилась в каменистый мёртвый панцирь. Обычное кремнёвое рубило затупилось бы здесь через десять ударов, расколовшись о гальку. Но чёрный брусок шёл ровно, с тихим шуршанием рассекая известняковые жилы.

Шери первая опустилась на колени позади мужа. Её пальцы вцепились в срезанный пласт сухой глины, выламывая его наружу и бросая в корзину. За ней побежали мальчишки — Баку и Капи. Маленькими ручонками они начали выгребать крошево из угловатой траншеи.

Видя, что земля поддаётся чужой кости бога без боя, двое молодых охотников неуверенно шагнули вперёд. Их мотыги с глухим стуком обрушились на края разреза, расширяя его, подчиняясь той жёсткой колее, которую прокладывал Хери.

Слепой Амен сидел на корточках у самого начала нового

русла. Он опустил обе ладони в выкопанную канаву, прощупывая пальцами её дно.

— Линии прямые… — зашептал старик, и его шёпот подхватил утренний ветер. — Земля сдаётся ему. Камни отступают. Река ещё не знает, что её заковали в сеть, но корни Ура уже проросли сквозь наш берег. Это начало нового Кемет.

Хери шёл вперёд, чувствуя, как покалывающее тепло в его жилах становится горячее, делая каждый удар Дара Ура безошибочным. Наступление на хаос природы началось.

ЧАСТЬ 2. ПОРЯДОК КЕМЕТ

Глава 1. Разговор о сытости

Солнце ушло за край земли, оставив на западе лишь узкую полосу багровой, запёкшейся золы. На высыхающую пойму стремительно опускалась ночная прохлада. Нильский туман пополз из зарослей папируса, укутывая тростниковые хижины.

Но эта ночь в лагере племени не была похожа на прежние. Люди не ушли спать в свои плетёные жилища. Охотники и старейшины сгрудились вокруг очага Хери, испуганно вглядываясь в три жёсткие, изломанные под прямыми углами линии, которые он прочертил Чёрным Долотом на прибрежной грязи.

Шери тихо поднесла мужу глиняную миску. Там лежали сухие, горькие корешки лотоса. Хери посмотрел на еду, затем — на своих сыновей, Баку и Капи. Младший тихо скулил в углу хижины, прижимая ладошки к раздутому животу. Хери поднял Чёрное Долото. В багровых отсветах пламени матовый клин казался провалом в пустоту, но его бритвенно-острое лезвие ловило редкие искры, отсекая их мёртвым белым блеском.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.